

К. Е. ПЕТРОВ

Политические последствия процесса выхода Великобритании из ЕС: шотландский и ирландский вопросы¹

Кирилл Евгеньевич Петров, канд. полит. наук,
науч. сотр. Центра глобальных проблем
Института международных исследований.
МГИМО МИД России. E-mail: orkir@mail.ru

Аннотация. В статье описывается политический процесс в Великобритании после референдума о выходе из ЕС, в центре которого находятся непростые и на февраль 2019 г. безрезультатные переговоры правительства консерваторов с ЕС об условиях «Брекзита». Значительное внимание уделено итогам всеобщих парламентских выборов 2017 г., вернувшим в британскую политику жесткую двухпартийность. Статья указывает на очевидную связь «Брекзита» со сбоем в процессе деволюции и появлением новых проблем в отношениях центрального правительства с регионами – Шотландией и Северной Ирландией.

Ключевые слова: Брекзит, деволюция Великобритании, Шотландия, Северная Ирландия, всеобщие выборы 2017 г. в Великобритании.

К началу 2019 г. процесс выхода Великобритании из ЕС, ставший результатом общенационального референдума 2016 г., оказался на грани полного срыва, ведущего ко второму референдуму. Еще большей и зримой угрозой стала возможность неуправляемого хаоса ввиду одновременного падения правительства консерваторов и одностороннего выхода из ЕС без каких-либо новых договоренностей с Брюсселем.

В середине января 2019 г. в британском парламенте прошло обсуждение плана премьер-министра Терезы Мэй, на котором действующее правительство, опирающееся на большинство в парламенте, потерпело одно из крупнейших поражений в истории. То есть, называя вещи прямо, часть депутатов правящей консервативной партии, значительная часть собственной фракции, проголосовали против плана выхода из ЕС премьер-министра Т. Мэй. Одно из важнейших противоречий касалось как раз условий ЕС по сохранению прозрачности границы между Северной Ирландией, выходящей из ЕС вместе с другими регионами Великобритании, и Ирландией, которая является членом ЕС. И Британия, и ЕС однозначно стремились сохранить сухопутную 310-мильную границу¹ в ее нынешнем, прозрачном виде, чтобы не допустить нового витка конфликта в Ольстере. Предлагавшийся парламентариям вариант решения заключался в фактической отсрочке решения о введении физической границы с таможенным декларированием как минимум на два года.

Понимая эти сложности, Т. Мэй максимально отсрочила время голосования по одобрению плана выхода, которое изначально должно было пройти еще осенью 2018 г. Таким образом она надеялась надавить на колеблющихся парламентариев, аргументируя невозможность выработки нового плана отсутствием времени, ведь Британия должна покинуть Евросоюз до новых выборов в Европарламент, в конце марта 2019 г. Лейбористы твердо стоят на позиции сохранения членства страны в ЕС, поэтому отвергли план Т. Мэй. Внутри ее партии раскол оказался сильнее, чем предполагала премьер-министр. Часть депутатов отвергла план как слишком мягкий и не выводящий страну из-под регулирования Брюсселя, другие же сомневаются в необходимости выхода из ЕС и готовы пойти на повторный референдум. В поддержку предложенной премьер-министром сделки с Евросоюзом высказались 202 депутата Палаты общин, против соглашения проголосовали 432 парламентария.

¹ В статье использованы официальные сайты консервативной партии Великобритании (<https://www.conservatives.com/>), лейбористской партии Великобритании (<https://labour.org.uk/>), Шотландской национальной партии, SNP (<https://www.snp.org/>).

После провала в парламенте многие скептики поспешили отправить правительство Т. Мэй в отставку, однако 16 января 2019 г. голосование об отставке правительства провалилось. Таким образом, политическая ситуация на начало февраля 2019 г. в Великобритании напоминает шахматный пат. Глава правительства Т. Мэй не может продать членов Палаты общин на принятие своего плана, но и парламентарии не готовы сделать решительный ход и сместить ее с лидерского поста. Ситуация была бы более понятной и предсказуемой, если бы игроков в партии было два, однако, помимо депутатов и правительства Великобритании, в игре участвует и собственно Еврокомиссия, ведущая переговоры об условиях выхода Великобритании из общеевропейского интеграционного образования, вернее сказать, переговоры идут о минимизации тех потерь, которые понесут экономики [4] и граждане ЕС и Великобритании [1].

Деволуция. Важным следствием подготовки к выходу Великобритании из ЕС стало нарушение медленного процесса деволуции унитарной Великобритании [3], в ходе которого Лондон передавал полномочия от центрального правительства регионам – Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу. В новой политической реальности после референдума главной головной болью центрального правительства стало достижение выгодной сделки с ЕС о будущих условиях экономического взаимодействия как бы унитарного государства, что, несомненно, не встречает отклика на территории Северной Ирландии и особенно Шотландии, где членство в ЕС стало важной частью самоидентификации – самоуправляемых народов и регионов Европы – и где голосование по вопросу о «Брекзит» однозначно склонилось в пользу сохранения членства в ЕС. Кажется очевидным, что процесс «Брекзит» создаст повышенную асимметрию между деволуционными структурами в Великобритании [3].

Всего за неделю до голосования по вопросу о «Брекзит» такие лидеры и в прошлом премьер-министры страны, как Тони Блэр и Джон Мэйджор, предупреждали, что голосование в пользу выхода из ЕС может серьезно дестабилизировать ситуацию в Северной Ирландии и в Шотландии. Много вопросов возникло в ходе ожесточенных дискуссий в прессе о будущих отношениях Северной Ирландии как с Ирландской Республикой, которая входит в ЕС, так и с остальной частью Соединенного Королевства. «Брекзит» не просто актуализировал вопрос о суверенитете Шотландии, но и поставил его в дополнительный конфликтный контекст. В целом «Брекзит», очевидно, добавил проблем достигнутым в прошлом деволуционным соглашениям. Спустя более чем два года после референдума на сам принцип деволуции оказывается серьезное давление со стороны радикально настроенных оппонентов. Пойдя на поводу у евроскептиков и радикалов в собственных рядах, требовавших всеобщий референдум о членстве в ЕС, консервативная партия решила свои тактические задачи по сохранению у власти, но стратегически усилила линии разлома в британском обществе, в особенности на периферийных территориях.

Шотландский вопрос. В ходе референдума «Брекзит» Шотландия проголосовала за позицию «остаться в ЕС» – 62 % голосов против процедуры выхода. В своем желании остаться вместе с ЕС едины правительство и парламент Шотландии, огромная масса депутатов (в том числе 57 депутатов британского парламента из 59, представлявших Шотландию) и сами жители. Тем не менее вплоть до сегодняшнего момента видимая и серьезная шотландская оппозиция процессу выхода Великобритании из ЕС никак не повлияла на позицию британского правительства на переговорах об условиях предстоящего разрыва с общеевропейским интеграционным образованием.

Согласно имеющимся цифрам социологии, подготовленным *YouGov*, за два прошедших с момента референдума года количество граждан, желающих остаться в ЕС, на территории Шотландии возросло. 66 % респондентов хотели бы, чтобы Великобритания осталась в ЕС. Среди поддерживающих *Шотландскую национальную партию* (далее – партия SNP) и лейбористов число таких людей еще выше – 83 % и 74 %, соответственно.

Следует, однако, учитывать, что подавляющая поддержка курса на сохранение единства со странами ЕС внутри шотландского политического класса не означает автоматической поддержки полной независимости от правительства в Лондоне. Между ответом «да» в отношении независимости и ответом «остаться» по отношению к ЕС имеет место совпадение, но оно не является полным. Сохраняются две различных позиции по двум отдельным вопросам. Вопрос о пределах независимости является более важным для шотландского электората, что не могут игнорировать политические партии и что по-прежнему является драйвером сохранения высокой поддержки партии SNP на выборах всех уровней. По имеющимся социологическим данным, шотландское общество расколото по вопросу нового референдума о независимости, 51 % шотландцев не приветствовали бы решения Н. Стёрджен вновь поднять этот вопрос.

Таким образом, тот факт, что Шотландия проголосовала за позицию «остаться в ЕС», само по себе не оправдывает необходимости скорейшего повторения референдума по вопросу независимости. Первый шотландский референдум в рамках процесса «деволюции», напомним, прошел в сентябре 2014 г., после того как партия SNP с большим отрывом победила на выборах в шотландский парламент в 2011 г. При очень высокой явке, составившей 84,59 %, сторонники полной независимости Шотландии смогли набрать только 44,7 % голосов. Особенно важно помнить, что вопрос об отношениях ЕС не был главным фактором в ходе референдума 2014 г. Тем не менее такой вопрос поднимался в ходе дебатов во время референдума по вопросу о шотландской независимости. По имеющимся социологическим данным, этот вопрос был значительным фактором при принятии решения только для 14 % избирателей и занимал лишь восьмое место среди причин, мотивировавших к голосованию. Ключевой ценностью для 70 % людей, которые проголосовали за независимость Шотландии от Соединенного Королевства, было следование принципу: «все решения о Шотландии должны быть приняты внутри Шотландии».

С другой стороны, в 2014 г. премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон жестко давил на желающих отделиться, заявив, что такое голосование «автоматически» удалит Шотландию из ЕС без каких-либо гарантий в отношении условий возможного будущего членства. Теперь же, несмотря на победу позиции «нет» относительно независимости, Англия на своих плечах выносит Шотландию из ЕС.

Официальная позиция Европейской комиссии заключалась в том, что Шотландии придется снова подавать заявку на членство и закончить процедуру подтверждения соответствия стандартам по аналогии с Хорватией. Шотландское правительство парировало, что Шотландия является частью ЕС с 1973 г., она не может быть исключена. Вместо применения стандартной формы заявки для стран вроде Хорватии в договоры о ЕС следует просто внести поправки, согласно которым Шотландия должна воспользоваться «непрерывностью эффекта», что гарантируют ей те же условия положения в ЕС, которыми в настоящее время пользуется Великобритания. То есть Шотландия или часть ее политического класса хотела бы остаться в ЕС правопреемницей Великобритании.

Тем не менее конституционные изменения, проистекающие из процесса «Брекзит», и их последствия для обязательств, взятых сторонами в рамках конвенции о разграничении полномочий между центральным парламентом Великобритании и парламентами ее отдельных частей (т. н. Sewel Convention²), плохо сочетаются с тем практическим обстоятельством, что правительство Великобритании игнорирует позицию Шотландии в ходе переговоров с ЕС об условиях выхода. Это особенно верно, учитывая, что «Брекзит» влияет на систему правительства Шотландии вопреки желаниям Шотландии, что противоречит принципу «суверенного права шотландского народа определять форму правительства, наиболее подходящую для его нужд».

В 2016 г. правящая шотландская партия SNP выпустила манифест, согласно которому шотландский парламент должен иметь право провести еще один референдум [по вопросу независимости], если есть четкие и устойчивые доказательства того, что независимость стала предпочтительным вариантом для большинства шотландского народа — или если есть существенные изменения в обстоятельствах по сравнению с ситуацией 2014 г., такие как Шотландия, выведенная из состава ЕС против ее воли».

В марте 2017 г. глава правительства Шотландии Никола Стёрджен (SNP) подтвердила свою позицию и заявила о поддержке второго референдума, прямо привязав свое желание провести плебисцит к процессу выхода из ЕС без учета мнения Шотландии³. Очевидно, что кабинет министров во главе с Терезой Мэй высказался резко негативно. Однако лидер лейбористов Джереми Корбин сказал, что его партия не будет препятствовать проведению повторного референдума.

Ирония в том, что для проведения второго референдума Шотландии необходимо одобрение центрального правительства. Голосование вряд ли может пройти до того, как «Брекзит» будет законодательно оформлен. Стёрджен рассчитывает получить право на подготовку референдума после того, как «Брекзит» будет завершен в 2019 г. Таким образом, на горизонте 2020–2022 гг. можно ожидать второго шотландского референдума, причем напряжение в южных регионах Шотландии, тяготеющих к Англии, будет нарастать.

² По подсчетам BBC граница сейчас имеет 208 только формальных переходов. См.: Q&A: The Irish border Brexit backstop // BBC News, December 13, 2018. — URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-politics-44615404>

³ Саммит ЕС одобрил данный принцип в отношении Ирландии. См.: EU leaders agree UK's Brexit deal at Brussels summit // BBC News, November 25, 2018. — URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-46334649>

Ирландский вопрос. Ключевым вопросом в отношении будущего Северной Ирландии в свете процесса «Брекзит» является вопрос о введении таможенных платежей и о физическом обустройстве новой границы, которая теоретически должна возникнуть на острове Ирландия⁴. Республика Ирландия, которая является членом ЕС, привыкла к фактически единой экономике разделенного политически острова. Именно она в наибольшей степени может пострадать от развода Великобритании и ЕС.

Лондон в свою очередь не хочет рисковать возобновлением насилия на этнорелигиозной почве. Это означает, что он не хочет строительства новой полноценной границы («жесткой границы», в терминологии кабинета Т. Мэй) между собственно Республикой Ирландия и северной частью острова Ирландия, входящей в Соединенное Королевство. В Лондоне отдают себе отчет, что не стоит трогать механизм деэскалации и нормализации, работающий больше 20 лет, и будить радикальные силы ирландского национализма.

Тем не менее вопрос будущего обустройства границы для правительства Мэй не является простым, поскольку ее союзниками по правящей коалиции в парламенте как раз и являются североирландские юнионисты в составе фракции из 10 депутатов — партия DUP, которые панически боятся увидеть временную или постоянную морскую границу с Британией.

Поначалу Лондон считал, что ЕС просто даст им наиболее выгодные условия и даже не попросит устанавливать новые торговые режимы на границе с Ирландией, то есть в этом вопросе Великобритания покинет ЕС, но без реальных изменений. Однако выяснилось, что ЕС вовсе не склонен делать поблажки партнеру. Тогда в Лондоне стали активно коммуницировать идею установления системы проверок в портах и аэропортах при передвижении товаров и людей между Северной Ирландией и собственно островом Британия. Это предложение было в штыки встречено партией DUP, которая возмущена тем, что центральное правительство хочет устроить преграды на пути сообщения именно с основной частью государства.

Наконец, осенью 2018 г. была достигнута договоренность, что по вопросу границы в Ирландии будет сделана отсрочка от основного соглашения, чтобы фактически оставить Северную Ирландию внутри таможенной зоны ЕС как минимум до 2020 г. Однако, как мы знаем, в январе 2019 г. британский парламент отказался принять план Т. Мэй и неопределенность вокруг вопроса обустройства границы или вынесения вопроса в особый порядок сохраняется.

Каким бы ни было итоговое решение, приходится учитывать позиции как партии Шинн Фейн (политическое крыло ирландских националистов в Северной Ирландии), так и собственно Ирландии, которая дает понять, что не допускает введения полноценной границы на самом острове. У фракции DUP, казалось бы, оставались значительные возможности для манипулирования позицией правящей партии, однако после того как Т. Мэй недосчиталась сразу 100 голосов в январе 2019 г., говорить о критическом значении 10 голосов фракции DUP не приходится.

Можно предположить, что Лондон ни в коем случае не пойдет на разморозку ирландского вопроса (вопроса объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландия). То есть никоим образом не захочет собственными действиями по установлению «жесткой границы» вернуть призраки кровопролития на ирландскую землю. Скорее всего, DUP придется отступить в своих требованиях. Так или иначе североирландский вопрос оказался весьма хитроумной ловушкой, о которой в момент проведения референдума никто особо не задумывался, а теперь любое решение Лондона и центрального правительства будет иметь те или иные негативные политические и экономические последствия.

Британский политический процесс в свете «Брекзит». Очевидно, что уже более двух лет весь британский политический процесс строится вокруг переговоров об условиях выхода страны из ЕС [5] и, соответственно, вокруг руководства этим процессом, которое пока принадлежит партии консерваторов. Наиболее внятные последствия референдума о выходе из состава ЕС состоят в возврате к четкой двухпартийной системе (лейбористы — консерваторы) и уходе с политической сцены *Партии независимости Соединенного Королевства* (UKIP).

Выход из Европейского Союза обостряет внимание к социально-экономическим проблемам, что негативно сказывается на поддержке национальных партий и SNP, в частности. С другой стороны, повышается внимание к проблемам конституционного устройства, но здесь мяч на стороне консерваторов, которые раньше заигрывали с SNP, небезосновательно рассчиты-

⁴ См. социологический опрос службы YouGov, доступный здесь: URL: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ftpvjhppow/ScotlandinUnion_Results_June18_Client_2_website.pdf

вая с ее помощью выбить лейбористов из шотландских избирательных округов, а теперь, резко поменяв тактику, становятся главным соперником SNP в Южной Шотландии — регионе, наиболее интегрированном в экономику центральной Британии. Реалистично не ждать быстрых решений консерваторов относительно этих вопросов. Каким бы ни был результат переговоров по «Брекзит» с точки зрения отношений между Великобританией и ЕС, Великобритания должна будет найти новое стабильное равновесие для структур внутреннего управления. Пока в отношениях с регионами Лондону далеко до баланса. Это отчетливо показали всеобщие выборы 2017 г., результат и ход которых мы разберем подробнее.

Внеочередные выборы в Палату общин парламента Великобритании состоялись 8 июня 2017 г., то есть спустя всего год после «одного из наиболее значительных событий в современной политической истории Британии и ЕС» [4] — общенационального референдума, на котором было принято решение о выходе из ЕС. Избирались все 650 депутатов нижней палаты по мажоритарной системе в 650 избирательных округах.

Напомним, что очередные парламентские выборы в Британии должны были состояться в 2020 г. Более того, премьер-министр от консервативной партии Тереза Мэй неоднократно после занятия этой должности в июле 2016 г. опровергала слухи о возможности назначения досрочных выборов. Поэтому ее решение о назначении таковых, объявленное ею 18 апреля 2017 г., оказалось неожиданным для всех, в том числе для сторонников ее партии, оказавшихся во многом просто не готовыми к скоротечной кампании. Официально она пояснила, что для проведения сложных переговоров по условиям «Брекзит» с Евросоюзом и их законодательного обеспечения в парламенте необходимо стабильное и прочное большинство.

Досрочные выборы были возможны лишь при поддержке двух основных партий парламента, но поддержку решения обеспечили все партии, кроме SNP. Уже 19 апреля парламент подавляющим большинством (522 против 13 голосов) поддержал назначение выборов. Воздержалась только *Шотландская национальная партия* (SNP), находившаяся на спаде и потерявшая значительную часть избирателей после триумфа на выборах 2015 г. во многом, как оказалось, из-за системного провала партии лейбористов. Однако именно борьба за власть внутри партии сподвигла лейбористов поддержать решение Т. Мэй — партийная элита надеялась обвинить затем в провале своего лидера Джереми Корбина, придерживающегося крайне левых, граничащих с радикальными, взглядов. Корбин же надеялся использовать выборы для устранения основных конкурентов внутри партии. Либерально-демократическая партия — главный неудачник выборов 2015 г. надеялась, что сможет немного поправить свое положение минорной партии.

Избиратели, несмотря на усталость от череды политических кампаний, в целом также поддерживали идею Т. Мэй. Выборы 2017 г. традиционно проходили в 650 округах, которые распределялись следующим образом: 533 — в Англии; 59 — в Шотландии; 40 — в Уэльсе; 18 — в Северной Ирландии.

На момент старта кампании в Британии было зарегистрировано 45 млн 766 тыс. избирателей. Ко дню выборов число избирателей возросло примерно на 1 млн человек. В среднем по стране численность избирателей в округе, отправляющем всегда только одного депутата в национальный парламент, составляла 72 041 (в Англии — 73 728, в Уэльсе — 57 454).

К началу новой кампании консервативная партия обладала абсолютным большинством в парламенте (331 депутатское кресло из 650 доступных). При этом наличие в партии значительных расхождений во взглядах на процедуру «Брекзит» серьезно затрудняло премьер-министру маневр и принятие законов, связанных с этим процессом. Именно этими проблемами Мэй и объяснила свое решение о досрочных выборах.

Одним из решающих факторов в принятии решения о досрочных выборах стало фактическое уничтожение *Партии независимости Соединенного Королевства* (UKIP). После референдума 2016 г. партия потеряла свою цель. В добровольную отставку ушел харизматичный лидер Найджел Фарадж, попытки найти нового лидера привели к постоянной смене руководства и массовому оттоку членов партии. К выборам 2017 г. порвал с партией единственный ее представитель в парламенте (Дуглас Карсвелл), а основной спонсор г-н Бэнкс отказался от ее финансирования. Считалось, что практически весь электорат UKIP перетечет к консерваторам.

Практически все многотиражные СМИ, традиционно поддерживающие консерваторов, горячо приветствовали решение Мэй о проведении выборов в таких условиях. Заголовки и обложки консервативной прессы были весьма агрессивными и обещали тяжелое поражение как соперникам консерваторов, так и внутренней оппозиции во фракции самих тори (см. иллюстрации с обложками газет *Daily Mail* и *The Sun* ниже).

Источник иллюстраций: Daily Mail, The Sun.

Главный смысл предвыборной кампании правящей партии заключался в противопоставлении «сильного и стабильного правительства» партии консерваторов «коалиции хаоса» (лейбористов и шотландской SNP).

Источник: официальный сайт Консервативной партии.

Важно отметить, что тема прохождения процесса выхода из ЕС была важнейшей исключительно для избирателей консерваторов. В то время как избирателей их соперников (лейбористов, либеральных демократов и шотландских националистов) больше волновали другие вопросы.

Особый интерес представляет кампания в Шотландии. Партия SNP находилась на спаде после нескольких лет небывалого энтузиазма шотландских националистов, вызванного самим фактом проведения референдума о независимости и последующей за этим общенациональной кампании 2015 г., к которой партия смогла серьезно нарастить свою численность и проводила масштабные массовые мероприятия. Теперь же, находясь у власти в Шотландии более пяти лет, партия Стёрджен была вынуждена расплачиваться своими рейтингами за непопулярные решения местного правительства. Изначально партия заняла защитные позиции, понимая, что не сможет отстоять все округа, полученные на прошлых всеобщих выборах.

В социальных сетях лидер SNP использовала предвыборное заявление Т. Мэй, чтобы агитировать шотландцев вступать в свою партию и голосовать за нее. *«Это важнее, чем когда-либо раньше — выбор в том, чтобы встать на сторону Шотландии, перед лицом правого, одержимого строгостью правительства тори без какого бы то ни было мандата на власть в Шотландии, но которое почему-то считает, что оно может делать все, что ему захочется»*, — написала она.

С точки зрения Стёрджен, объявление досрочных выборов — большая политическая ошибка Мэй. Тем не менее Стёрджен объездила фактически все избирательные округа Шотландии, особое внимание сосредоточив на юге, более тяготеющем к сохранению Великобритании. Поездки не принесли желаемого эффекта, именно в этих округах SNP потеряла наибольшее число мест. Одной из особенностей этих выборов в Шотландии стало то, что впервые за последние десятилетия консерваторы обошли лейбористов по рейтингам, выйдя на второе место после SNP и составив той основную конкуренцию.

Консерваторы в Шотландии построили свою кампанию скорее не на личностях кандидатов, а на запугивании шотландцев (особенно юга региона, который несколько лет назад голосовал скорее против независимости Шотландии) возможностью второго референдума о выходе из Британии в случае успеха SNP. В прицеле критики была политика Стёрджен, а главной угрозой — новый референдум в случае победы ее партии. Мотором кампании консерваторов в Шотландии стала Рут Дэвидсон, которой прочат большое будущее в руководстве Консервативной партии в целом.

Проведя неяркую, механическую кампанию, консерваторы потеряли абсолютное большинство, новый парламент оказался «подвешенным». В общей сложности они потеряли 13 мест и контролируют 317 депутатских кресел, а лейбористы приобрели 30 мест, доведя число депутатов до 262. Фракция SNP сократилась до 35 человек, партия потеряла сразу 21 депутатское кресло. Либеральные демократы получили символическую прибавку к своей фракции в виде 4 депутатов, доведя ее до 12 человек. В *Таблице* ниже указаны результаты и позиции основных партий относительно «развода» с ЕС.

Таблица

Позиции основных партий нового парламента Великобритании

Партия	Лидер	Позиция по вопросу «Брекзит»	Места в парламенте	Изменение в общей доле голосов по сравнению с 2015 г., %
Консерваторы	Тереза Мэй	Жесткий «Брекзит» ⁵	317	+5,5
Лейбористы	Джереми Корбин	Сначала рабочие места ⁶ , потом «Брекзит»	262	+9,5
Шотландская национальная	Никола Стёрджен	Мягкий «Брекзит»	35	–1,7
Либеральные демократы	Тим Фаррон	Мягкий «Брекзит»	12	–0,5
UKIP	Пол Наттолл	Жесткий «Брекзит»	0	–10,8

Консервативная партия получила болезненный результат в Англии, где она потеряла 22 депутатских кресла. Сохранить свое относительное большинство она смогла за счет неожиданно высокого результата в Шотландии, где впервые обошла лейбористов и заняла второе место после SNP, приобретя там дополнительно 12 кресел.

В то же время основной приток голосов лейбористов произошел за счет консерваторов, голосовавших против «Брекзит». Консерваторы неоправданно рассчитывали на автоматическое

⁵ Forward Together: Our Plan For A Stronger Britain And Prosperous Future. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017. — URL: <https://www.conservatives.com/manifesto>

⁶ For the Many Not the Few. The Labour Party Manifesto 2017. — URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf>

перетекание голосов лейбористов за счет проголосовавших за выход из ЕС. Оказалось, что недовольство политикой Евросоюза не означало автоматического переключения на позиции консерваторов.

Значимый просчет консерваторов был связан с надеждами на автоматическое переключение на них всех избирателей разгромленной UKIP. Однако часть избирателей партии евроскептиков из числа «синих воротничков» вернулась к традиционному голосованию за лейбористов.

В итоге сформировать новое правительство консерваторы во главе с Т. Мэй смогли лишь при поддержке *Демократической юнионистской партии* (DUP), получившей 10 депутатских кресел в Северной Ирландии. Этот факт будет играть важную роль при переговорах о границе Ирландии, так как юнионисты боятся остаться внутри таможенного союза с Ирландией и получить затруднения при торговле с основным островом.

По результатам кампании Тереза Мэй и ее партия не только осложнили внутривнутриполитическую ситуацию, но и ослабили свои позиции как внутри страны, так и на международной арене. Как и предполагалось экспертами, сложности в ходе переговоров об условиях сотрудничества с ЕС после выхода Великобритании из союза привели к правительственному кризису. Очевидно, что результат выборов ослабил позиции консерваторов в переговорах с ЕС. Мандат доверия консерваторам выглядит все более сомнительным. И жесткий, и мягкий варианты «Брекзита» в 2017–2018 гг. по-прежнему оставались лишь умозрительными формулами без конкретного содержания. ЕС контролировал ход переговоров и оказался способен эффективно настаивать на выгодных ему условиях развода с Британией, что подрывало позиции Т. Мэй среди ее однопартийцев и политического класса вообще.

Всеобщие выборы 2017 г. усилили двухпартийность в Великобритании и фактически привели к обнулению поднимавшейся «третьей силы», каковой была *Партия независимости* (UKIP) с ее нарочито евроскептической позицией и желанием максимально жесткого сценария «Брекзита». Две главные партии (тори и лейбористы), которые обещали уважать результаты референдума, но одновременно были глубоко разобщены внутренне по вопросу будущих отношений с ЕС, получили в итоге наибольшую совокупную долю голосов с 1970 г. [4].

Социально-демографический анализ результатов выборов выявил рекордный разрыв во взглядах между старшим и младшим поколением. Если еще в 1990-е гг. разрыв между возрастными категориями 18–24 года и «65 плюс» не составлял и 20 % и даже сокращался к «нулевым» годам, то с выборов 2010 г. он неизменно растет. Всего за 7 лет он вырос с 14 до рекордных 83 %.

Между тем, отмечается тенденция стирания разрыва между политическими пристрастиями представителей социальных групп. Например, на выборах 1976 г. 56 % представителей среднего класса голосовали за консерваторов и лишь 19 % — за лейбористов, в то время как 57 % рабочего класса голосовали за лейбористов и 22 % — за консерваторов. Затем доля среднего класса, поддерживающего тори, шла на убыль, в то время как доля рабочих, голосовавших за них, росла. На выборах 2017 г. впервые средний класс разделился ровно пополам, поддержав в равной доле две основные партии. В то же время второй раз в истории число квалифицированных рабочих, проголосовавших за тори, превысило тех, кто поддержал лейбористов (44 на 39 %). Представители неквалифицированных рабочих все еще голосуют за лейбористов (46 % против 34 %), но и среди них заметен рост поддержки консерваторов.

Почти наверняка данный феномен объясняется поляризацией общества по вопросу о «Брекзита». Так, средний класс в значительной степени выступает против выхода из ЕС, а многие «синие воротнички» или близкие к ним категории — за.

Успех консерваторов в Шотландии обнажил серьезные проблемы внутри *Шотландской национальной партии*, которая после референдума по «Брекзиту» рассматривала возможность проведения повторного референдума о независимости региона. Именно этот вопрос мобилизовал юнионистов для голосования за тори. Но лидер SNP Н. Стёрджен не скрывает своих намерений дождаться наступления последствий «Брекзита», чтобы снова активизировать движение сепаратистов. Скорее всего, до этого момента дальнейших заявлений SNP не пойдет. В настоящее время и на ближайшую перспективу вопрос конституционного строительства в Шотландии будет увязан с будущей ролью Шотландии в ЕС.

KIRILL PETROV

Brexit and Its Political Implications: the Cases of Scotland and Northern Ireland

Kirill Petrov, PhD (Political Science), Research Fellow,
Center for Global Problems, Institute for International Studies,
MGIMO University. E-mail: orkir@mail.ru

Summary. The article describes the political process in the UK after the referendum on leaving the EU. Unsuccessful at least until February 2019 negotiations between the Conservative government and the EU are at the center of the process. Considerable attention is paid to the results of the general parliamentary elections of 2017, which brought the decline of multi-party politics. The article points to Brexit's obvious connection with disruptions in the process of devolution and the emergence of new problems in the central government relations with the regions: Scotland and Northern Ireland.

Keywords: Brexit, United Kingdom politics, devolution in the United Kingdom, Scotland, Northern Ireland, 2017 UK general election.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Benton M., Ahad A., Benson M., Collins K., McCarthy H., O'Reilly K. *Next Steps: Implementing a Brexit Deal for UK Citizens Living in the EU-27. Project Report*. Brussels: Migration Policy Institute Europe, April 2018. 50 p. — URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/implementing-brexit-deal-uk-citizens-eu>
2. Gravey V., Burns C., Carter N., Cowell R., Eckersley P., Farstad F., Jordan A., Moore B. and Reid C. *Northern Ireland: Challenges and opportunities for post-Brexit environmental governance*. Brexit & Environment, October 2018. 32 p. URL: <https://www.brexitenvironment.co.uk/wp-content/uploads/2018/10/BrexitEnvNIREport.pdf>
3. Greer A. Brexit and Devolution. *The Political Quarterly*. Vol. 89. No. 1. January–March 2018. P. 134–138. DOI: 10.1111/1467-923X.12442
4. Hobolt S. B. Brexit and the 2017 UK General Election. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2018. Vol. 56. Annual Review. P. 39–50. DOI: 10.1111/jcms.12751
5. Plomien A. Introduction: UK's Membership of the EU: Brexit and the Gains, Losses and Dilemmas for Social Policy. *Social Policy and Society*. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 259–264. DOI: 10.1017/S1474746417000549